

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

Таможня как орган государственной власти и управления в концепции институционального подхода

Косенко В. А. – аспирант ДВФУ, e-mail: 6522916@mail.ru;

Останин В. А. – д.э.н., профессор, ВФ РТА, e-mail: ostaninva@yandex.ru;

Рожков Ю. В. – д.э.н., профессор, ХГУЭП, e-mail: zdnrf@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития таможенной системы Российской Федерации. Исследованы теоретические аспекты институционального подхода к сущности таможенных органов. Показаны причины возникновения инвестиционных таможенных ловушек.

Ключевые слова: государство, экономикс, институт, институция, таможенная система.

Kosenko V.A., Ostanin V.A., Rozhkov Yu.V. Customs as a public authority and administration in the concept of an institutional approach

Annotation. The article considers the problems of the development of the customs system of the Russian Federation. The theoretical aspects of the institutional approach to the essence of customs authorities are investigated. The causes of investment customs traps are shown.

Key words: state, economics, institute, institution, customs system.

Государство и органы управления им формируют некоторое целое, которое надо рассматривать, используя терминологию Г. В. Ф. Гегеля, в виде организма. Каждый орган надо представлять уже не как часть некоторого суммативного целого, ибо в целом, по мысли Гегеля, нет частей, которые могли бы получать некоторые относительно обособленные интересы. В этом случае данное суммативное целое является совокупностью элементов, которые будучи уже обособленными от целого, получают своё неистинное существование. Гегель образно говорит: «Дурное государство или больное тело могут всё же существовать: но эти предметы неистинны, ибо их понятие и их реальность не соответствует друг другу. ... члены и органы живого тела должны рассматриваться не только как его части, так как они есть то, что они есть, лишь в их единстве и отнюдь не относятся безразлично к последнему. Простыми частями становятся эти члены и органы лишь под рукой анатома,

но он тогда имеет дело уже не с живыми телами, а с трупами» [1, с. 300–301].

Так что, в процессе анализа любого социально-экономического или политического образования можно обнаружить его недостаточность и порой неуместно глубокую абстракцию, если всю тяжесть переносить на анализ этих относительно независимых образований. Исследователь в этом случае имеет дело не с целым, не тотальностью, а с набором частей, агрегатов, которые, снова воспользовавшись терминологией В. В. Ф. Гегеля, могут быть у неживого, застывшего, статичного образования. Части действительно могут быть именно «у трупа». Но государство таковым никогда не являлось, оно, как отмечают многие учёные, является аналогом живого организма. Поэтому органы составляют одновременно органическое единство, бытие которых может найти своё логическое и онтологическое объяснение только исключительно как функциональное.

В этой связи мы обнаруживаем серьёзную методологическую проблему в раскрытии природы целого – государства и его органов, которые обеспечивают жизнеспособность целого посредством того, что каждый орган уже органически связан с целым посредством только ему отведённой функции. Устойчивость, хрупкость организма-государства определяется качеством осуществления каждым органом его специфических функций. Поэтому далеко не случаен факт того, что в русском и других языках государство рассматривается в совокупном единстве своих органов, например, органы внутренних дел, таможенные, налоговые и другие органы. Эти функциональные органы востребованы обществом и призваны обеспечивать реализацию государством своих функций. Собственно, саму сущность любого социально-экономического, политического и иного образования давно принято раскрывать через его функции. Без этих функций, без их творческого анализа само государство превращается в бессодержательную, не наполненную смыслом абстракцию.

Содержательный анализ государства и его органов, которые реализуют

функции, предусмотренные Конституцией России, может обеспечить принципиально новый для его исследования институциональный подход. Методология институционального подхода позволяет выявить сущность государства и его органов (но не частей!) посредством анализа его функций. (В этом утверждении мы полагаем, что именно институционализм способен перенести основное внимание на функции, на использование функционального анализа).

Полагаем, что при этом не будет рациональным одновременно впасть в иную крайность, возлагая на методологию институционализма исключительное право быть истиной в последней инстанции. Институционализм никоим образом не может являться методологической панацеей в рамках любой системы государственных образований. «Он должен органично «влииться» в состав эволюционной теории наряду с другими подходами, системно описывая трансформационные и транзакционные факторы» [2, с. 42–43].

Институционализм, институциональная экономическая теория возникла и эволюционировала как оппозиционно настроенное учение господствующему мейнстриму – неоклассическому «экономиксу». Однако из этого не следует, что неоклассический «экономикс» обнаруживает свою внутреннюю теоретическую противоречивость. Он продолжает сохранять свою ценность и значимость в отдельных моментах теоретического осмысления и оценки экономического поведения. Поэтому, придавая важную роль институционального подхода к проблемам регулирования социально-экономических образований, следует одновременно согласиться с методологически полезным предостережением Г. Б. Клейнера. Он постулирует, что эти возможности установления и регулирования отношений, хотя и являются всепроникающими, однако они не носят характер всеобъемлющих. Клейнер утверждает: «Кроме институтов, в социальном мире действуют интересы, ожидания, намерения, культурные артефакты и т.д.» [3, с. 111].

Конституция РФ отмечает ряд важнейших государственных функций. Утрата функции (то есть дисфункция) фактически ведёт к деформированию самой сути государства. При этом функции следует рассматривать в качестве динамических характеристик, которые реализовывались прежде или реализуются в настоящее время посредством своих органов (таможенные органы в их числе). Каждый орган призван реализовать свой уже детализированный набор функций, с тем, чтобы обеспечить достижение поставленных перед собой, обществом целей, задач, программных установок. Будучи оторванным от целого, он уже не орган, а нечто выпавшее из системы и потерявшее тем самым свою сущность¹.

Тем самым эти функции не отождествляются с самими целями и задачами, планами и прогнозами, а могут быть представлены как наполненные особым конкретным содержанием направления деятельности, благодаря чему выражается и конкретизируется его сущность и социальная природа государства. К таким внутренним функциям следует отнести функции: хозяйственную, стабилизационную, координационную, социальную, культурно-воспитательную, правовую, экологическую и др. Каждая функция государства может практически реализоваться, только если создаст для этого специальный орган (систему органов). Теория институциональной экономики фокусирует своё внимание на понимании процесса развития как эволюции этого института, уделяя внимание той роли, которое оказывает институт на экономическое поведение людей. Поэтому далеко не случайно Т. Веблен (именно его считают теоретическим основоположником институционализма) определял сам предмет институционализма как теорию культурного роста процесса, который предопределён экономическим интересом, а также теорией кумулятивной последовательности экономических институтов, которые сформулированы в терминах процесса.

¹ «Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе» (Евангелие от Иоанна, глава 15, 4).

В теории институционализма государство само как целое может быть представлено как институт, а его органы тоже имеют все основания быть рассмотрены тоже как институты. Сама эта теория имеет в России сложную и неоднозначно оцениваемую эволюцию. Так, до 80-х годов прошлого столетия наше экономическое научное сообщество не принимало теорию институционализма. В СССР институционализм постоянно подвергали обструкции.

Теория постсоветской России показывала другую крайность. Позаимствованные теории и подходы, как вполне справедливо отмечала С. Г. Кирдина: «... часто стали использоваться напрямую и в готовом виде, без необходимого освоения и анализа того, насколько они адекватны специфике РФ и характеру социально-экономического развития страны. ... новая институциональная методология некритически применялась к анализу самого широкого круга явлений» [4, с. 38].

Но уже к 90-м годам институционализм начинает вытеснять ранее господствующий мейнстрим, существовавший в форме политической экономии. Причём следует признать, что это направление стало развиваться исключительно бурно. Так как институционализм пронизывает различные формы общественного бытия и идеальных форм, то мы для корректности наших суждений в концепт этого понятия будем вкладывать тот смысл, который в английском языке обозначается термином «*Institutional Economics*». Тем самым мы будем оставлять вне нашего поля экономического анализа политику (политический институционализм), социологию, право, принимая во внимание тот факт, что в этих областях теоретического знания институционализм возник как течение гораздо раньше.

Среди учёных принято учитывать тот факт, что понятие «институциональная политическая экономия» было введено в научный оборот Уилтоном Гамильтоном ещё в 1916 г. Это обстоятельство было вызвано тем, что анализ рынков и рыночного равновесия, как основного предмета неоклассического направления, следовало уже проводить не сами

по себе, а с учётом многих факторов, которые оказывали на него воздействие. Таким образом, в анализ были вовлечены факторы, носящие технологический, политический, социальный, психологический характер. Тремя годами позже У. Гамильтон ввёл в теорию понятие «институционализм», тем самым проведя линию водораздела политической экономии и неоклассического экономикс. Говоря об экономической политике третьего тысячелетия, Дэвид Коландер резюмирует, что на смену политики «правильных цен» пришёл «современный подход к политике, построенный на принципе «правильных институтов» [Цит. по: 5, с. 44].

В теории институционализма или институционального подхода приобретает важное теоретическое и методическое значение преодоление «терминологического столпотворения» по Дж. М. Кейнсу [6].

Следует признать, что ключевые понятия институционализма остаются до сих пор размытыми, неопределёнными как со стороны концепта, так и денотата. Как вполне справедливо отмечает О. В. Иншаков, применяемые определения социальных институтов приобрели многозначность в такой мере, что способны вводить в заблуждение. Такие понятия как «институт» и «институция» используются не только как синонимы, но и противопоставляются. «Каждый использует их с той бóльшей лёгкостью, чем меньше знает, что именно они обозначают» [7, с. 42].

В этой связи приобретают особую значимость выделение и исследование тех существенных атрибутивных признаков теории институционализма, которые позволили бы в более корректной и научной форме разделить, уточнить концепты и денотаты ключевых понятий «институт» и «институция». В теории институционализма предпринимались серьёзные и достаточно продуктивные исследования, начиная с классических, которых можно отнести к традиционному институционализму, и завершая представителями современной ветви институциональной теории.

Авторами отмечено, что для методологии институционализма было характерно в разделе теории экономического поведения признать

иррациональность его поведения с учётом устойчивых и психологических особенностей.

В теории факторов производства специфика выявилась в учёте нематериальных активов и факторов, например, индивидуальных и коллективных знаний, способностей, компетенций, талантов. В теории фирмы признавался фактор многофункциональности, многоуровневости, полисубъектности, системности и многомерности.

Теория организации рынков стала дополняться факторами сотрудничества, поиском оптимальных сочетаний рыночных факторов.

Теория государства, общества, экономики обогатилась признанием взаимозависимости и необходимости поиска сбалансированности интересов при асимметрии функций.

Наконец, теория «социально-экономического пространства» отказалась от применения упрощённых «ньютоновских» представлений о социально-экономическом пространстве, которое полагалось как автономное, пустое и однородное вместилище агентов и артефактов.

Были введены в научных экономический оборот такие понятия, как «силы притяжения», «силы отталкивания», «силы инерции», которые оказывали влияние на экономическое поведение рыночных агентов. В результате стала формироваться сложная модель «институционального ландшафта» и его воздействия на экономических агентов.

Произошло наполнение социально-экономического пространства экономическими агентами, своего рода социально-экономическими «телами». Институты в этом пространстве представлялись в качестве объективных «геометрических» особенностей этого пространства, ожидания агентов были представлены как субъективное видение и восприятие этих особенностей. Интересы моделировались в форме «сил», которые действовали в этом пространстве.

Социальные агенты (группы, лица, коллективы) находятся в отношении институтов в двойственной позиции. Институты в этой

теоретической концепции как бы независимы от агентов, однако одновременно сами институты являются некоторым побочным результатом совместной деятельности самих агентов [3].

Развитие общества предопределено, таким образом, развитием институтов. Так, Д. Норт, понимая институты как формальные и неформальные правила, которые служат некоторым ограничителем экономического поведения людей, пришёл, тем не менее, к важному выводу, что экономический рост зависит, главным образом, от качества институтов, которые обеспечивают существование рынков, права собственности и формируют низкие транзакционные издержки. Траектория развития институтов определяется в каждом конкретном случае, исходя из изначальных предпосылок. Однако способность общества создавать стабильные, честные, общепризнанные и одновременно гибкие институты, которые способны реагировать и трансформироваться на изменения экономической, политической конъюнктуры, в значительной мере предопределяют развитие самого общества и его экономический рост.

Д. Норт отмечал: «В исторической перспективе институциональные изменения приводили к увеличению выгоды от совместной деятельности (например, законное принуждение к исполнению контрактов), усилению стимулов к изобретению и инновациям (патентное законодательство), увеличению выгоды от инвестиций в человеческий капитал (развитие институтов, интегрирующих разрозненное знание сложных экономик) и снижению стоимости транзакций на рынках (создание юридической системы, которая понижает стоимость принуждения к исполнению контрактов)» [8, с. 34].

Так как процесс государственного регулирования и управления экономикой реализуется органами публичной власти, то сам регулятор следует рассматривать как институт, с одной стороны, а с другой, этот институт сам должен эволюционировать, чтобы формировать необходимую институционально-экономическую среду, сферу или пространство.

Построение модели совершенствования института, в данной публикации, – органа публичной власти, определяющего экономическую политику в обществе, – изначально требует уточнения как самого концепта понятий «институт», «институция», так и разработку модели механизма такого усовершенствования. На данном этапе уже непродуктивно довольствоваться повторением «экономической мантры» о необходимости и возможности такого усовершенствования и необходимости предельно корректной констатации концепта и денотата ключевых понятий. Так, в социологии институт представляется как установленный и закреплённый порядок правил и стандартизированных моделей поведения. Как социальный институт он относится к регулированию, объяснению поведения больших масс людей, накладывая на их поведение нормы, правила и роли [9].

Выполненные О. В. Иншаковым исследования дают не только констатацию различных воззрений на природу института и институции, но и критический анализ некоторых теоретических конструктов [2].

Это стереотип мысли, привычные способы реагирования на стимулы, распространённый образ мысли о том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций у Т. Веблена. Это реализация функциональных предпосылок и императивов эволюции обществ у Б. Малиновского, А. Р Рэдклифф-Брауна, Т. Парсонса. По Э. Дюркгейму это функциональные формы социальной организации, которые связаны с общими условиями коллективной жизни. В названном исследовании О. В. Иншакова [2] отмечены достижения отечественной институциональной школы (В. Г. Гребенников, Г. Б. Клейнер, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, А. Н. Олейник, В. М. Полтерович, В. Л. Тамбовцев, А. Е. Шаститко и др.), а также видных зарубежных представителей (Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон, Дж. Ходжсон, Т. Эггертссон и др.).

Применительно к исследуемым нами таможенным проблемам, ценным являются научные выводы о том, что институты не следует сводить исключительно к запретам, нормам, которые ограничивают поведение

субъектов. Интересна идея российского историка проф. В. О. Ключевского (1841–1911), о том, что институты по своей природе являются не только ограничениями, рамками, но и средством раздвижения границ возможностей субъекта. Рассуждая о сословном делении общества, этот учёный писал, что существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит *различие прав, а не обязанностей* [Цит. по: 2].

Если в некоторых работах понятия «институт» и «институция» разведены, то есть не допускается смешение их денотатов, то эта научная строгость ещё не стала общепринятой в других научных работах. Институции есть социальные формы типизации функций экономических агентов, что определяет их роли, статусы в системе производства и распределения благ. Тем самым институции образуют систему отношений функциональной структуры общества.

Когда речь идёт о понятии «организация», то в этом случае в концепт включается социальная форма, которая возникает на основе связей между экономическими субъектами в процессе производства, распределения, потребления благ. Последнее позволяет сформировать элементную структуру общества. Например, общество профсоюзов, общество рыбаков и прочие. Каждая организация сформировалась на базе соответствующей институции, но одновременно закрепляет её, координирует, регулирует отношения на основе определённой функции.

Взаимодействие форм функциональной и элементной структур общества, или институции и организации, создаёт, порождает новое социальное образование – институт с его органами жизнеобеспечения, самосохранения, самовоспроизводства. Таким образом, не просто организация становится институтом, а организация институцированная, пронизанная специфическими, характерными для неё функциональными отношениями. Другими словами, *институт есть функциональная организация, или организация, реализующая свою специфическую для неё функцию*. При этом организация, институт может реализовывать и иные

функции, но характер института придаёт ему именно существенная функция. Следовательно, сущность любой организации в её функциональном предназначении даёт основание трактовать этот тип организации как институт [2].

В нашем исследовании таможенную систему следует рассматривать и классифицировать как функциональную организацию. Функция таможенного контроля есть основная функция организации в виде таможен, таможенных постов, региональных таможенных управлений, наконец, центрального аппарата Федеральной таможенной службы России (ФТС). Одновременно, понимая и представляя систему таможенных организаций во взаимосвязи с выполняемыми им функциями таможенного контроля, позволяет относить их уже к органам таможенного контроля и одновременно к институту таможенного контроля. Здесь *орган предстаёт как структурированная институция*, которая обеспечивает функционирование и развитие организации, в которой можно обнаружить одновременно прогресс адаптации старых органов к новым функциям, либо их отмирание, либо развитие в силу потребностей внешнего и внутреннего институционального окружения. Именно это внутреннее и внешнее окружение формирует институциональное пространство, в котором генерируются стимулы как к развитию института, так и его отмиранию.

Институция становится, таким образом, содержательной частью института, которая выделяет его из всей совокупности иных организаций. При этом внешняя форма самой организации становится несущественной, носящей признаки случайности. Например, институция снижения рисков может воплощаться в развитии мощных перестраховочных компаний, страховых организаций, которые обслуживают страховые агенты, страховые брокеры. Но эта интуиция может воплощаться в рядовой семье, которая инвестирует в предупредительные мероприятия свои ресурсы, снижая тем самым вероятность наступления случайного нежелательного события, связанного, например, с утратой имущества, потерей дохода от временной

нетрудоспособности и т.д.

Организация выполняет многие хозяйственные операции, транзакции и сделки, но это не придаёт статус института организации. Сделки и хозяйственные операции носят случайный характер, либо они раскрывают экономическую суть организации. Сущность, словами Г. В. Ф. Гегеля, «светится» в явлении, т.е. сделке. Однако явление светиться в качестве сущности может только в сущностной форме – функции, которая и отделяет существенное от несущественного, или институцию от её видимости. Потому система таможен, таможенных постов представляет собой организацию, которую следует соотносить с явлением в терминологии Гегеля, институт же есть действительность, как единство сущности со своим существованием. Поэтому система таможен и таможенных постов в своей совокупности по объёму, богатству осуществляемых действий, сделок есть явление, которое всегда более богато по своему объёму, ибо эта система включает как существенное для реализации этой сущностной функции, так и случайное. Таможенные органы уже как институт беднее организации, его концепт строже и более определён этой существенной для системы, института ФТС институцией.

Поэтому возникают определённые сомнения в истинности утверждения О. В. Иншакова, что суть институции в её всеобщности, как социальной формы всех человеческих действий [2]. Нами делается на основании вышеизложенного вывод, что скорее суть институции, если быть последовательным, в применении методологии Гегеля, изложенной в его работе «Наука логики», заключается, наоборот, не во всеобщности, а в её специфичности. Специфичность функции придаёт статус института системе таможенных органов организациям, трактуя ФТС как особую организацию, т.е. институт. Именно в ФТС, как органе, институте, структурированы институции, т.е. строго специфические функции.

Таким образом, применяя методологию Гегеля, мы можем утверждать, что существенная функция таможенных органов

(осуществление таможенного контроля) становится достаточным основанием для понимания организации, в нашем исследовании – ФТС со своими структурными подразделениями, региональными таможенными управлениями, таможнями, таможенными постами, соответствующими службами – как института (рисунок 1).

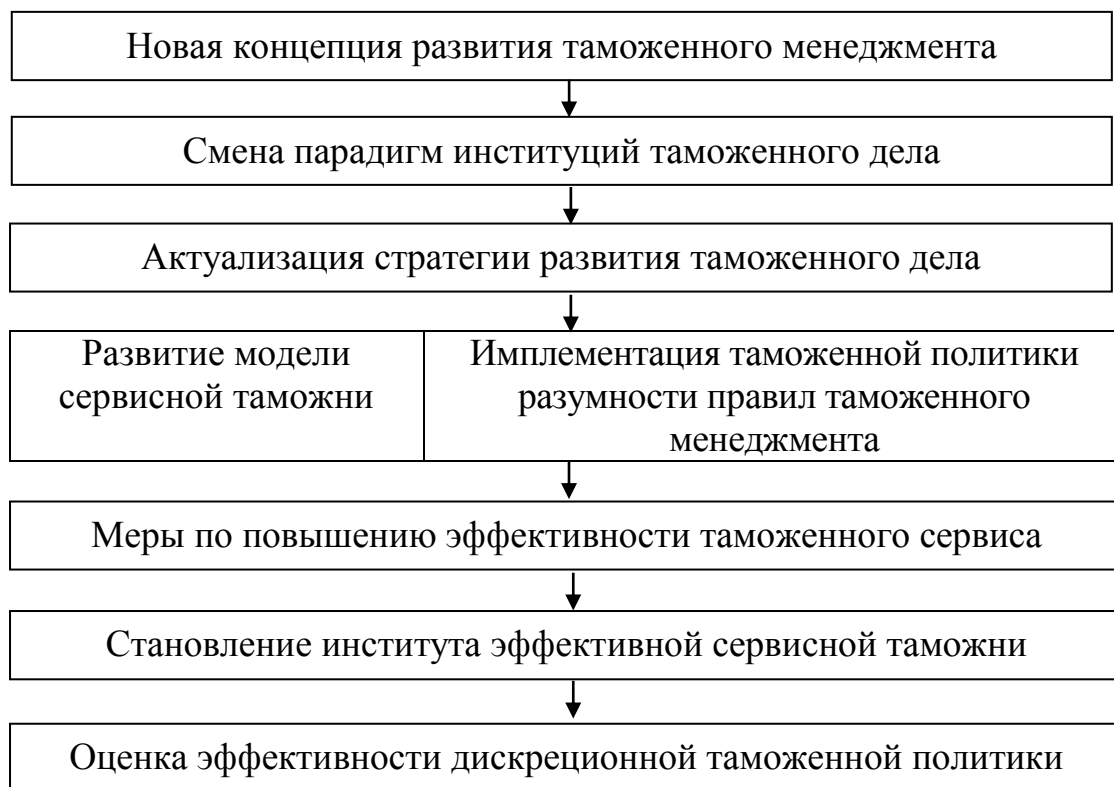

Рисунок 1 – Институционализация таможенного дела в России

Повышению эффективности институциональных преобразований предшествует процесс раскрытия внутренних (эндогенных) факторов, которые являются источником изменения институций, институтов и самой институциональной среды общества. Этот метод впервые был предложен Д. Нормом. Последний высказал идею, что формируемые группы интересов внутри системы способны менять правила, которые их ограничивают. Далее им была подчеркнута роль идеологии, которая объединяет индивидуумов [10].

Анализ исключительно рынков становится уже недостаточным для того, чтобы объяснить их как необходимое и достаточное условие изменения самих

институтов. Тем самым был сделан важный вывод о механизме, источниках институциональных изменений в обществе. Ответ о природе причин эволюции институтов следовало искать уже не только в экономике.

Как видим, эта публикация Д. Норта открыла новый этап и новое направление в исследовании институционализма, сформировав тем самым «новый институционализм». Представители «нового институционализма» раскрыли роль качества институтов на экономическую эффективность, хотя основное внимание самого Д. Норта было перенесено на институционально-эволюционное направление развития теории и практики управления.

Проблема эффективности государственного публичного управления сводилась к проблеме выбора между сохранением существующих институций и самих институтов, сохранив «правила игры» экономических агентов, либо не менять институции и соответственно институты. В результате возникало состояние институционального равновесия, при котором экономические агенты были не заинтересованы в реформировании институциональной среды. При этом, естественно, экономические агенты полагали, что это состояние равновесия есть состояние неэффективное, или институциональная ловушка, т.е. фактически это – неэффективный институт.

Если вести речь о реформировании современного института таможенного дела в России, то эту ситуацию можно интерпретировать следующим образом. Экономические агенты – участники внешнеэкономической деятельности – и работники таможенных органов находили точки равновесия в институциональной среде в концепции постоянно воспроизводимой конфликтно-компромиссной модели поведения. См. более подробно нашу монографию [11]. Срабатывали механизмы приспособлений, адаптации всех и к каждому, между которыми реализовывались соответствующие институции. Это функции, или институции, были, в конечном счёте, формой разрешения системных противоречий.

Противоречивость интересов участников разрешалась компромиссом в

пользу как участника внешнеэкономической сделки, так и в пользу работника таможенных органов, которые обеспечивал выполнение таможенной операции. Формирующаяся институциональная среда становилась основанием для формирования коррупции в таможенных органах, а сама коррупция стала признаком неэффективности института таможенного дела, следовательно, и форм государственного управления как самим таможенным органом, так и процессами, таможенным регламентом, таможенными процедурами, которые были закреплены в руководящих материалах ФТС. При этом эти таможенные органы как неэффективный институт мог сохранять своё состояние неэффективного равновесия в течение длительного времени.

Некоторое объяснение подобной ситуации применительно к институту таможенных органов Российской Федерации, если следовать методу Д. Норта, дают следующие выводы.

Надо признать, что сама природа органов таможенного контроля носит двойственный характер. Система таможенных органов сама располагает ограниченными ресурсами, которые строго регламентируются по своим расходам. Обеспечить повышение эффективности деятельности института таможенных органов без транзакционных издержек – невозможно в принципе. Экономия ресурсов будет понуждать институт таможенных органов вести себя в качестве известной теоретической модели «хищника» [12]. Он («хищник») старается увеличить наполнение госбюджета за счёт снижения затрат на осуществление транзакций по реформированию институции и соответственно института. Экономия на издержках по реформированию, которые следует отнести к инвестициям в инновации таможенного дела, ограниченность ресурсов государства будут скорее формировать такую модель государственного регулирования публичными институтами, которая будет препятствовать внедрению более совершенных институтов, а, следовательно, экономическому росту, повышению эффективности экономики. В результате общество лишается гарантий того, что более эффективные институты будут

внедрены, а сама система выйдет из состояния неэффективного институционального равновесия.

Необходимо принимать во внимание специфические интересы различных групп-участников внешнеэкономических сделок. Асимметрия интересов различных групп будет служить основанием для закрепления, консервации неэффективного института таможенного органа. Каждый участник таможенной сделки будет стремиться адаптироваться к сформированной системе отношений, взаимосвязей, максимально извлекая выгоду из асимметричности информации, превращая моральный риск как вероятность в постоянно реализуемый факт перераспределения национального богатства в свою пользу, реализуя при этом оппортунистическую модель поведения и извлекая коррупционные доходы.

В качестве основания появления институциональной таможенной ловушки следует полагать выбор изначально неправильного целеполагания. Например, закрепление за органами таможенного контроля фискальной функции, что как раз и рассматривается нами. Эта функция фактически сформировала устойчивое и существующее длительное время неэффективное равновесие института.

Как результат складывается ситуация, согласно которой сформировать новый институт становится мероприятием затратным в условиях редкости самого ресурса, а существование прежнего неэффективного института с его несоответствующей природе таможенного органа институцией, оправданной и находящей для этого своё обоснование и объяснение.

Сущность этой институциональной ловушки таможенного органа, если её интерпретировать к современной российской действительности, заключается в следующем. К сожалению, стало эффективным не делать реформирование неэффективного института. При этом наши выводы сводятся к суждению о том, что потенциал перехода в более эффективное состояние института таможенного дела лежит в его внутренне противоречивости. Безусловно, это является источником развития

таможенного института и преодоления его институциональной неэффективности.

Список использованных источников

1. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
2. Иншаков О., Фролов Д. Место институционализма в экономической науке // Экономист. 2005. № 10. С. 39–44.
3. Клейнер Г. Б. Агенты и институты: к проблеме институционального выбора / Homo institutus – Человек институциональный: монография / под ред. О. В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 854 с.
4. Кирдина С. Г. Институционализм в России: XX- начало XXI в.: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2015. 54 с.
5. Лесных В. В., Ильяшенко В. В. Институциональная экономика: учебное пособие. Екатеринбург: Ур ГЭУ, 2009. 330 с.
6. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Изд-во «Гелиос АРВ», 1999. 352 с.
7. Иншаков О. В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 42–51.
8. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 256 с.
9. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1 / пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 2001. 543 с.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
11. Косенко В.А., Останин В.А., Рожков Ю.В. От императивной к сервисной модели российской таможни: теория развития: монография / под науч. ред. проф. В.А. Останина. Хабаровск: РИЦ ХГУЭП, 2020. 192 с.
12. Гульбина Н. И. Теория институциональных изменений Д. Норта // Вестник Томского государственного университета. 2004. Вып. 283. С. 123–128.

© Kosenko V.A., Ostanin V.A., Rozhkov Yu.V., 2020

Для цитирования: Косенко В. А., Останин В.А., Рожков Ю.В. Таможня как орган государственной власти и управления в концепции институционального подхода // Трансграничная экономика. 2020. Ч. 1. URL: <http://cross-bordereconomy.ru/5.html> (дата обращения: 26.02.2020).